

31 Дек 1955

Москва

Газета №

ВСТРЕЧИ С ДРУЗЬЯМИ

С каждым годом крепнут культурные связи Советского Союза со странами народной демократии.

Из путевого блокнота

Быстро идет процесс взаимного духовного обогащения, роста национальных культур. В этом еще и еще раз убеждают многочисленные встречи с нашими друзьями в Чехословакии. О двух таких встречах я и хочу рассказать.

С Иржи Тауфером мы познакомились в день приезда, на Главном вокзале Праги. — Замечательный переводчик Маяковского, — представили нам его.

Да, я знал еще в Москве, что чешский поэт Иржи Тауфер перевел много произведений Владимира Маяковского. Мне было приятно пожать его руку. Нет слов, молчаливое дружеское пожатие рук — это очень много. Но куда больше значит теплая, задушевная беседа с поэтом, влюбленным в свое дело!

И я был очень рад, когда представилась возможность побеседовать с Иржи Тауфером. Мы с ним встретились в одном из пражских дворцов, который ныне занимает Министерство культуры Чехословакии. Это крепкого сложения человек: жесты его порывисты, он все время в движении.

Я присматривался к нему, слушая его горячую речь.

— Вы из Моравии?

— Угадали! — воскликнул Тауфер.

— Мне кажется, — сказал я, — что и Витезслав Невзвал тоже из Моравии.

— Верно, — подтвердил Тауфер, — из Моравии.

Витезслав Невзвал, о котором вспомнили мы, — один из лучших поэтов Чехословакии. До сих пор звучит у меня в ушах его взволнованная речь, когда он вдохновенно говорил о советской литературе и советских людях. Это было в клубе чехословацких писателей. «Поэт умом и сердцем!» — восхищенно шепнул мне тогда писатель Ян Дрда, председатель Союза чехословацких писателей. Верно, Витезслав Невзвал, автор поэмы «Песнь мира», удостоенной Золотой медали мира, — поэт души, словами, делом... И что-то общее во внутренней взволнованности было между ним и Иржи Тауфером, положившим предо мною на стол два тома переводов из Владимира Маяковского.

В первом томе — стихи «Комсомольская», «Юбилейное», «Сергею Есенину», «Разговор с товарищем Лениным», «Товарищу Нетте — пароходу и человеку» и многие другие. Во втором томе — поэмы «Облако в штанах», «Война и мир», «Владимир Ильич Ленин», «Хорошо!». Два тома замечательных переводов, удостоенных Государственной премии, — серьезный вклад в культурную жизнь Чехословацкой республики.

Я попросил Тауфера прочитать что-нибудь вслух.

Он выбрал отрывки из поэм «Хорошо!» и «Владимир Ильич Ленин», стихи «Во весь голос», «Сергею Есенину». Тауфер читал с большой силой и искренностью. Его густой и мощный голос раздавался в зале почти по-маяковски.

Чешский язык — один из славянских языков. Поэтому нам вполне удавалось разобраться в нем. Однажды в Доме писателя в Добржише (под Прагой), на конференции детских писателей, Ян Дрда познакомил меня с польским писателем Игорем Невэрли, который тоже гостил в Чехословакии. Мы условились так: каждый из нас будет говорить на своем родном языке: Дрда — на чешском, Невэрли — по-польски, я — по-русски. Мы беседовали долго и неплохо понимали друг друга. То, что мы можем вполне обходиться без переводчиков, доставило всем нам большое удовольствие... Иржи Тауфера я понимал особенно хорошо, ибо это были переводы стихов, знакомых мне, очень близких сердцу.

Тауфер продемонстрировал мне грампластинки с записью стихов Мая-

ковского в исполнении поэта Витезслава Невзвала и артиста Е. Буриана. Так же как и Тауфер, они

читали стихи с чувством огромной любви к Маяковскому. И это не могло не тронуть...

В Москве, далеко от чудесной Праги, я часто слушаю пластинки с голосом Иржи Тауфера. И снова и снова думаю о замечательных переводах Маяковского и об авторе этих переводов, сумевшем донести до своего народа красоту и мужество стихов Владимира Маяковского...

Имя композитора Эугена Сухоня войдет в историю музыкальной жизни словацкого народа: он является автором первой национальной оперы «Крутињава» («Водоворот»). Эту оперу мы слушали в Братиславе, в Национальном театре.

Не скрою: моих друзей и меня одолевали некоторые сомнения. «Первая опера — это очень хорошо, — говорили мы. — Но удалась ли она? Если да, то насколько?» Разумеется, мы желали опере величских успехов, ибо начало, как известно, — половина дела. Словацкие композиторы уже работают над новыми операми и балетной музыкой. И очень важно, какова музыкальная сила «Крутињавы», к чему она зовет, идейно и эстетически.

«Крутињава» — опера о прошлой жизни, бытовая, народная. Сюжет ее столь же стремителен, сколь и драматичен.

На зеленом дугу лежит убитый парень. Над ним плачет его возлюбленная, Катрена. Казалось, что она достанется теперь сопернику убитого — Ондрею. Сельские игры, песни и танцы перемежаются с трагическими сценами, в которых выступают отец убитого парня и девушка, тяжело переживающая смерть возлюбленного. В конце концов выясняется, кто убийца. Это — Ондрей. Его постигает справедливая кара: он схвачен. Народ проклинает его...

В театре были простые словацкие люди. А прежде в этом зале сидела буржуазия, она приходила сюда, чтобы потешить себя каким-нибудь веселым зрелищем, и вообще не помышляла о собственной оперной музыке. Только народная власть создала все условия для расцвета культуры, в том числе и оперного искусства.

Декорации спектакля были сделаны добротно. Они напоминали пейзажи, которые можно увидеть на картинах народного художника Мартина Бенки: могучие горы, зеленые поля, яркое небо. Народные костюмы подобраны со вкусом. В каждой детали чувствовался уверенный глаз художника, постановщика. Голоса исполнителей звучали молодо. Но самое лучшее в спектакле, конечно, музыка Сухоня.

Музыка оперы захватывает слушателя. Эуген Сухонь широко использовал народные песни и мелодии, отличным знатоком которых он является. Им создана сильная, мужественная опера о чистоте человеческих чувств, о любви, преданности. Опера прекрасно передает могучий дух, нравственную силу народа, — и в этом ее несомненное достоинство, как оперы национальной, народной, в полном смысле этого слова.

С нами, в числе членов делегации деятелей советской культуры, был музыковед Игорь Балза, отличный знаток чешской и словацкой музыки. Он дал опере Эугена Сухоня высокую оценку. Таким образом, я имел возможность сопоставить свою оценку слушателя с оценкой теоретика-музыковеда. Оценки наши не разошлись.

Эуген Сухонь работает над новой оперой. Хочется пожелать ему новых творческих успехов...

Две встречи, две короткие записи в путевом блокноте, но в них отразилось то ощущение, которым была проникнута вся поездка по Чехословакии, — ощущение взаимосвязанности наших культур, дружбы ее представителей.

Георгий ГУЛИА